

СУХОРИКОВА Анна Андреевна,

магистрант 2 курса Юридического института, кафедра предпринимательского, конкурентного и экологического права, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск,

e-mail: aa.sukhorukova@yandex.ru

ПОНЯТИЕ КОНТРОЛИРУЮЩЕГО ЛИЦА В СПОРАХ О ПРИВЛЕЧЕНИИ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ ИСКЛЮЧЕНИИ ДОЛЖНИКА ИЗ ЕГРЮЛ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию понятия контролирующего лица в плоскости привлечения к субсидиарной ответственности при исключении общества из ЕГРЮЛ. Автор изучает понятие контролирующего лица по смыслу Гражданского кодекса и Закона о банкротстве и анализирует цели законодательного закрепления круга контролирующих субъектов. Обосновывается целесообразность распространения банкротного понимания контролирующего лица на отношения защиты кредиторов при административной ликвидации первоначального должника.*

Ключевые слова: *субсидиарная ответственность, исключение из ЕГРЮЛ, контролирующее лицо, юридическое лицо, банкротство, корпоративное право.*

SUKHORUKOVA Anna Andreevna,

South Ural State University, 2nd year master's student of the Law Institute, Russia, Chelyabinsk

THE CONCEPT OF A CONTROLLING PERSON IN DISPUTES ON SUBSIDIARY LIABILITY FOLLOWING THE REMOVAL OF A DEBTOR FROM THE UNIFIED STATE REGISTER OF LEGAL ENTITIES

Annotation. *The article is devoted to the study of the concept of a controlling person in the context of subsidiary liability when a company is excluded from the Unified State Register of Legal Entities (EGRUL). The author examines the concept of a controlling person under the Civil Code and the Bankruptcy Law and analyzes the purposes of the legislative delineation of the circle of controlling persons. The article substantiates the expediency of extending the bankruptcy concept of a controlling person to the protection of creditors' rights in cases of administrative liquidation of the original debtor.*

Key words: *subsidiary liability, removal from the Unified State Register of Legal Entities, controlling person, legal entity, bankruptcy, corporate law.*

Понятие субсидиарной ответственности довольно обширно – в него входит и «автоматическая» ответственность, при которой есть основной должник и дополнительный (как, например, в ситуации договора поручительства), и «деликтное» значение ответственности, которое, в свою очередь, тоже имеет ответвления – например, институты субсидиарной ответственности в банкротном и корпоративном законодательстве. В первом случае – в ситуации «автоматической» субсидиарной ответственности, для её возникновения не нужно анализировать поведение субсидиарного должника по отношению к первоначальному. В случае же «деликтного» значения субсидиарной ответственности в её состав, среди прочего, входит элемент контроля субсидиарного должника над первоначальным.

В настоящей статье понятие контролирующего лица анализируется в особой плоскости правоотношений – в ситуации привлечения к субсидиарной ответственности при исключении юридического лица из ЕГРЮЛ. Эта сфера заслуживает отдельного внимания, поскольку отличается от классического механизма банкротства, где выявление и оценка действий контролирующих лиц, само установление контроля, происходит в рамках конкурсной процедуры с использованием особых процессуальных инструментов, ряда презумпций и участия арбитражного управляющего.

При исключении должника из реестра речь идёт о так называемом «недействующем юридическом лице», признаки которого закреплены в статье 21.1 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [6, ст. 21.1]. Исключение носит административный характер и не предполагает формирования ликвидационной комиссии, составления ликвидационного баланса и не обеспечивает расчётов с кредиторами. Кредитор в такой ситуации лишается возможности предъявить требования к самому обществу, поскольку оно формально перестаёт существовать.

В этих условиях единственным адресатом притязаний становятся лица, определявшие деятельность исключённого общества. Именно поэтому понятие контролирующего лица в рассматриваемой плоскости приобретает особое значение: оно служит связующим звеном между долгом исключённого из реестра должника и ответственностью конкретных физических лиц.

В юридической литературе и творчестве высших судов довольно тщательно исследовалось понятие контролирующего должника лица в рамках субсидиарной ответственности при банкротстве. Так, К.И. Евтеев определяет статус контролирующих должника лиц «как разновидность специального правового статуса, обусловленного наличием обязанности действовать добросовестно и разумно,

учитывая как интересы самой контролируемой компании, так и ее кредиторов, а также нести негативные последствия ее нарушения с одновременным предоставлением материально-правовых и процессуальных гарантий защиты его прав и законных интересов, выражающихся в установлении условий и пределов такой ответственности, а также изменении процессуального статуса контролирующих должника лиц в ходе производства по делу о банкротстве» [1, с.8].

Исходя из позиции, изложенной в Постановлении Пленума Верховного суда РФ №53, «по общему правилу, необходимым условием отнесения лица к числу контролирующих должника является наличие у него фактической возможности давать должнику обязательные для исполнения указания или иным образом определять его действия. При этом важно заметить, что осуществление фактического контроля над должником возможно вне зависимости от наличия (отсутствия) формально-юридических признаков аффилированности (через родство или свойство с лицами, входящими в состав органов должника, прямое или опосредованное участие в капитале либо в управлении и т. п.)» [8, п.3].

Между тем, понятие контролирующего лица применительно к спорам о внебанкротной субсидиарной ответственности (при административной ликвидации должника) не поддавалось такому кропотливому анализу и исследованию, несмотря на продолжительный период, в рамках которого действует норма [5, п. 3.1 ст. 3], посвященная субсидиарной ответственности по обязательствам исключенного из ЕГРЮЛ общества.

В связи с этим представляется разумным обратиться к банкротному и гражданскому законодательству – чтобы определить, какие дефиниции даются понятию контролирующего лица и для каких правовых целей. Это позволит, используя метод сравнительного анализа, выявить цель установления круга контролирующих лиц по смыслу п. 3.1 ст. 3 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – ФЗ «Об ООО»).

1. «Контролирующее лицо» с

точки зрения ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и цели установления этого понятия

В соответствии со ст. 61.10 Закона о банкротстве [4, п. 1 ст. 61.10], под контролирующим должником понимается физическое или юридическое лицо, имеющее либо имевшее не более чем за три года, предшествующих возникновению признаков банкротства, а также после их возникновения до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий.

При этом, в соответствии с п. 2 ст. 61.10 Закона о банкротстве, возможность определять действия должника может достигаться:

1) в силу нахождения с должником (руководителем или членами органов управления должника) в отношениях родства или свойства, должностного положения;

2) в силу наличия полномочий совершать сделки от имени должника, основанных на доверенности, нормативном правовом акте либо ином специальном полномочии;

3) в силу должностного положения (в частности, замещения должности главного бухгалтера, финансового директора должника либо лиц, указанных в подпункте 2 пункта 4 настоящей статьи, а также иной должности, предоставляющей возможность определять действия должника);

4) иным образом, в том числе путем принуждения руководителя или членов органов управления должника либо оказания определяющего влияния на руководителя или членов органов управления должника иным образом.

Введение категории «контролирующее лицо» в законодательство о несостоятельности (банкротстве) имеет комплексный характер и преследует несколько целей, тесно связанных с обеспечением баланса интересов должника, его участников и кредиторов.

Во-первых, законодатель использует данное понятие для идентификации лиц, уполномоченных действовать от имени юридического лица – должника в ходе процедур банкротства, где требуется четкое понимание, кто именно формирует волю организации и представляет её интересы.

Во-вторых, дефиниция позволяет определить субъектов, которые фактически выступают представителями участников (учредителей) юридического лица в правоотношениях, возникающих в процессе банкротства, и тем самым обеспечивают их участие в судьбе должника.

В-третьих, установление круга контролирующих лиц направлено на выявление тех субъектов, на которых в силу их реального влияния на деятельность должника может быть возложена субсидиарная ответственность перед кредиторами и самим должником.

Таким образом, институт контроля в рамках законодательства о банкротстве служит не только инструментом процессуальной идентификации представителей, но и важнейшим механизмом защиты имущественных интересов кредиторов при недобросовестных деяниях управляющих должником лиц.

При этом, в п. 2.2 Письма ФНС России от 16.08.2017 № СА-4-18/16148@ «О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ» [10, п. 2.2] указано, что суд может признать лицо контролирующим по любым иным доказанным основаниям (пункт 5 статьи 61.10), которые прямо в законе не указаны.

Этими основаниями могут служить, например, любые неформальные личные отношения, в том числе установленные оперативно-разыскными мероприятиями, например, совместное проживание (в том числе состояние в т.н. гражданском браке), длительная совместная служебная деятельность (в том числе военная служба, гражданская служба), совместное обучение (одноклассники, однокурсники) и т.п.

Можно предположить, что целью такого расширенного толкования налоговым органом

законодательства о банкротстве является точное определение реальных бенефициаров, скрывающихся за формальными структурами управления должника. Такая позиция направлена на предотвращение схем ухода от ответственности, когда номинальные руководители или участники прикрывают деятельность фактических выгодоприобретателей. Введение в практику критериев вроде совместного проживания, общей профессиональной или образовательной биографии служит инструментом «прокалывания корпоративной вуали».

2. «Контролирующее лицо» с точки зрения статьи 53.1 Гражданского кодекса и цели установления этого понятия

В п. 1-3 ст. 53.1 Гражданского кодекса РФ [3, п. 1-3 ст. 53.1] не используются термины «контроль» и «контролирующее лицо», но именно в них определяется круг лиц, ответственных за убытки, виновно причиненные юридическому лицу. И это следующие субъекты: лица, которые в силу закона, иного правового акта или учредительного документа уполномочены выступать от имени юридического лица; члены коллегиальных органов юридического лица; субъекты, имеющие фактическую возможность определять действия юридического лица, в том числе возможность давать указания лицам из первых двух перечисленных категорий.

Прежде чем перейти к анализу целей установления перечня контролирующих лиц в данной статье, нужно заметить, что именно к этому списку субъектов отсылает п. 3.1 ст. 3 ФЗ Об ООО, которым установлена возможность привлечения к субсидиарной ответственности по обязательствам исключенной из реестра компании. То есть перечисленные в п. 1-3 ст. 53.1 ГК РФ лица являются контролирующими общество субъектами, которые могут нести субсидиарную ответственность по обязательствам общества, исключенного из ЕГРЮЛ.

Статья 53.1 ГК РФ исходит из идеи внутрикорпоративной ответственности. Контролирующее лицо в этих отношениях – это субъект, который фактически «пользуется»

юридическим лицом, даёт указания его органам и влияет на его действия. Интерес, который охраняется здесь, – это интерес самого юридического лица (и опосредованно его участников), пострадавшего от недобросовестных и неразумных распоряжений. Иск о возмещении убытков предъявляется самим обществом либо участниками в его интересах (*derivative suit*). Таким образом, речь идёт об ответственности перед корпорацией.

Совершенно иная логика у п. 3.1 ст. 3 ФЗ «Об ООО». Здесь законодатель использует ту же категорию контролирующего лица (отсылая к ст. 53.1 ГК РФ), но вводит её уже в плоскости внешней, кредиторской защиты. Общество исключено из ЕГРЮЛ, как должник оно исчезло, и возможность предъявить иск к самому юридическому лицу отсутствует. Поэтому в данной ситуации именно кредитор становится заявителем, и защищается уже его частный интерес – восстановление нарушенного права требования к должнику. Субсидиарная ответственность контролирующих субъектов работает как «заместитель» утраченной возможности предъявить иск к юридическому лицу.

Отсюда и правовая дихотомия: в первом случае (ст. 53.1 ГК) – это деликтная ответственность перед самим юридическим лицом, во втором (п. 3.1 ст. 3 ФЗ об ООО) – деликтная субсидиарная ответственность перед третьими лицами (кредиторами). Эти два института принципиально различаются по характеру охраняемого интереса и по субъекту, уполномоченному инициировать защиту. Соответственно, возникает ситуация, при которой мы не можем говорить о единой природе интереса при двух различных видах ответственности, но притом вынуждены пользоваться одним и тем же пониманием контролирующего лица – для целей разных по своей сущности правовых институтов.

Представляется, что для института субсидиарной ответственности контролирующего лица по обязательствам исключенного из ЕГРЮЛ общества более родственным будет именно институт субсидиарной ответственности в банкротстве. Сходство этих правовых механизмов

отслеживается по нескольким ключевым критериям.

Во-первых, в обоих случаях речь идёт об ответственности перед кредиторами, то есть внешней ответственности, направленной на защиту интересов третьих лиц, утративших возможность получить исполнение от должника.

Во-вторых, субъектом, инициирующим процесс привлечения к ответственности, является кредитор или лицо, действующее в его интересах (в банкротстве – конкурсный управляющий), тогда как в конструкции статьи 53.1 ГК РФ истцом выступает само юридическое лицо или его участники, действующие в интересах общества.

В-третьих, в обоих видах субсидиарной ответственности целью является компенсация неудовлетворённых обязательств должника, в то время как по статье 53.1 ГК РФ компенсируются убытки, причинённые самому юридическому лицу.

В-четвёртых, общим является публичный интерес в обеспечении устойчивости гражданского оборота: институт субсидиарной ответственности в банкротстве и при исключении из ЕГРЮЛ служит гарантией сохранности интересов кредиторов и предотвращения злоупотреблений, связанных с использованием конструкции юридического лица как средства личной выгоды.

Таким образом, законодатель, формулируя норму о субсидиарной ответственности при административной ликвидации общества, в качестве критерия для определения круга ответственных лиц использовал отсылку к статье 53.1 ГК РФ, регуливающей совершенно иной по своей природе институт – институт возмещения

убытков в пользу самого юридического лица. Фактически речь идёт о том, что дефиниция контролирующего лица, разработанная для целей внутренней защиты интересов корпорации и её имущественной сферы, механически перенесена в сферу внешней защиты интересов кредиторов.

Это порождает определённый диссонанс: круг лиц, обладающих обязанностью действовать добросовестно и разумно в интересах общества и нести перед ним ответственность за причинённые убытки, совпадает с кругом лиц, которые по другому основанию могут быть привлечены к субсидиарной ответственности уже перед кредиторами исключённого из реестра общества. Тем самым один и тот же понятийный аппарат служит двум различным правовым целям – внутренней компенсации ущерба самому юридическому лицу и внешней компенсации неудовлетворённых требований его кредиторов.

Такое смешение правовых конструкций свидетельствует о стремлении законодателя к унификации понятийного аппарата, но одновременно актуализирует вопрос о соотношении правовой природы этих двух видов ответственности. Более последовательным и логически оправданным представляется использование в данной ситуации именно банкрутного понимания контролирующего лица, закреплённого в главе III.2 Закона о несостоятельности (банкротстве), поскольку оно изначально ориентировано на защиту интересов кредиторов и выработано с учётом механизмов выявления фактического влияния на деятельность должника, что гораздо ближе по своей природе к институту субсидиарной ответственности при исключении общества из ЕГРЮЛ.

Список литературы:

- [1] Евтеев К. И. Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц при трансграничной несостоятельности (банкротстве): дис... канд. юрид. наук. М., 2017. 190 с.
- [2] Соболев С. И. Препарирование института субсидиарной ответственности при административной ликвидации должника // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 6. 73 с.
- [3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ

(ред. от 31.07.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. №32. ст. 3301.

[4] Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. №43. ст. 4190.

[5] Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об обществах с ограниченной ответственностью» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. №7. ст. 785.

[6] Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. №33 (ч. 1). ст. 3431.

[7] Письмо ФНС России от 16.08.2017 № СА-4-18/16148@ «О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ» // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 01.08.2025)

[8] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // «Российская газета». № 297. 29.12.2017.

References:

[1] Evteev K. I. Subsidiary liability of persons controlling the debtor in case of cross-border insolvency (bankruptcy): diss... Cand. of Law. Moscow, 2017. 190 p.

[2] Sobolev S. I. Dissection of the institution of subsidiary liability in the administrative liquidation of the debtor // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2021. No. 6. 73 p.

[3] Civil Code of the Russian Federation (part one) dated November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on July 31, 2025) // Coll. legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.

[4] Federal Law of 26.10.2002 No. 127-FZ (as amended on 31.07.2025) «On Insolvency (Bankruptcy)» // Coll. legislation of the Russian Federation. 2002. No. 43. Art. 4190.

[5] Federal Law of 08.02.1998 No. 14-FZ (as amended on 08.08.2024) «On Limited Liability Companies» (as amended and supplemented, entered into force on 01.03.2025) // Coll. legislation of the Russian Federation. 1998. No. 7. Art. 785.

[6] Federal Law of 08.08.2001 No. 129-FZ (as amended on 28.12.2024) «On state registration of legal entities and individual entrepreneurs» // Coll. legislation of the Russian Federation. 2001. No. 33 (part 1). art. 3431.

[7] Letter of the Federal Tax Service of Russia dated 16.08.2017 No. SA-4-18/16148@ «On the application by tax authorities of the provisions of Chapter III.2 of the Federal Law of 26.10.2002 No. 127-FZ» // SPS Consultant Plus (accessed 08/01/2025)

[8] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 21.12.2017 No. 53 «On certain issues related to bringing persons controlling the debtor to liability in bankruptcy» // «Rossiyskaya Gazeta». No. 297. 29.12.2017.

